

Научная статья

УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>

ОБРАЗ КИТАЯ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

**Елена Александровна
Попова¹**

**Наталья Александровна
Богословская²**

^{1,2} Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия,

¹ rusyaz_lipetsk@mail.ru

² kleopatra2699@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу репрезентантов концепта «Китай» в русской языковой картине мира, что позволяет сделать выводы о восприятии образа данной страны носителями русского языка. В статье был исследован образ Китая в произведениях И. А. Гончарова и А. Н. Вертинского, которые входят в Китайский текст русской литературы. Данные авторы выделяют такие противоречивые характеристики Китая и китайской культуры, как древность, загадочность, таинственность, подчеркивают такие ключевые черты характера китайцев, как трудолюбие, терпение, высокая работоспособность и т.д. В то же время китайская цивилизация противопоставляется европейской, воспринимается русскими как «чужая», непонятная. Кроме того, в статье рассматриваются данные различных лингвистических словарей русского языка (толковых, фразеологических, крылатых слов и выражений, русских народных говоров и др.), отражающих значения фразем, являющихся репрезентантами рассматриваемого концепта: «китайская стена», «китайская грамота», «китайские церемонии», «китайский болванчик» и др.; а также данные «Русского ассоциативного словаря». Авторы статьи анализируют данные проведенного ими лингвистического эксперимента, связанного с выявлением у современных студентов ассоциаций, вызванных стимулами «Китай», «китаец», «китайский», что позволяет судить о специфике восприятия данных лексем представителями русской лингвокультуры и воссоздать целостный образ Китая в сознании носителей русского языка. Тематические группы ассоциаций, выявленные в результате проведенного эксперимента, отражают непосредственную объективацию данного концепта в сознании современных носителей русского языка. В результате эксперимента были выявлены следующие особенности восприятия данной лексики представителями современного российского студенчества: в целом образ Китая, его культура и население имеют в сознании русских людей положительную оценку. Китай воспринимается как страна с древней культурой и историей, с вековыми традициями и развитыми технологиями, оказавшая огромное влияние на мировую промышленность.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, лингвистическая имагология, Китайский текст русской литературы, концепт «Китай», фраземы, прецедентные феномены, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Попова Е. А., Богословская Н. А. Образ Китая в сознании носителей русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 97–111. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>.

Сведения об авторах: *Е. А. Попова* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы института филологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Н. А. Богословская – студент кафедры русского языка и литературы института филологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020 Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Scientific Article

UDC 81.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>

THE IMAGE OF CHINA IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN SPEAKERS

*Elena A. Popova*¹

*Natalia A. Bogoslovskaya*²

^{1,2} Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia,

¹ rusyaz_lipetsk@mail.ru

² kleopatra2699@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the representatives of the concept "China" in the Russian linguistic world picture, which allows us to draw conclusions about the perception of the image of this country by Russian speakers. The article explores the image of China in the works of I. A. Goncharov and A. N. Vertinsky, which are included in the Chinese text of Russian literature. These authors single out such contradictory characteristics of China and Chinese culture as antiquity, mystery, and enigmatic properties, and emphasize such key traits of the Chinese character as diligence, patience, high productivity, etc. At the same time, Russians perceive Chinese civilization as "foreign", incomprehensible, which opposes it to the European civilization. In addition, the article examines the data of various linguistic dictionaries of the Russian language such as explanatory dictionaries, phraseological dictionaries, dictionaries of idioms and set expressions, Russian folk dialects dictionaries, as well the Russian Associative Dictionary. These dictionaries reflect the meaning of phrasemes that are representatives of the concept under consideration: 'kitayskaya stena' (meaning an insurmountable barrier), 'kitayskaya gramota' (meaning something incomprehensible), 'kitayskiye tseremonii' (meaning tiresome and unnecessary conventions), 'kitayskiy bolvanchik' (meaning a person who passively agrees with others), etc. The authors of the article analyze the data of their linguistic experiment, which is related to the identification of associations among modern students caused by the stimuli "China", "the Chinese", "Chinese". It allowed the authors to judge the specifics of the perception of these lexemes by the representatives of Russian linguistic culture and recreate a holistic image of China in the minds of Russian language speakers. The thematic groups of associations identified as a result of the experiment reflect the direct objectification of this concept in the minds of modern Russian language speakers. As a result of the experiment, the following features of the perception of this lexeme by representatives of modern Russian students were revealed. In general, the image of China, its culture and population are positively assessed in the minds of the Russian people. China is perceived as a country with an ancient culture and history, with centuries-old traditions and advanced technologies, which has had a huge impact on the world's industry.

Keywords: Russian linguistic word picture, linguistic imagology, Chinese text of Russian literature, concept "China", phrasemes, precedent phenomena, associative experiment.

For citation: Popova, EA & Bogoslovskaya, NA, 2022, 'The Image of China in the Perception of Russian Speakers', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 97–106, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111> (in Russ.)

Information about the Authors: *Elena A. Popova* – Professor, Doctor of Philology, Head of the Chair of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Lipetsk State Pedagogical University P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia.

Natalia A. Bogoslovskaya – student of the Chair of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Lipetsk State Pedagogical University P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia.

© Popova E. A., Bogoslovskaya N. A., 2022

Введение

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение «образа другой (здесь и далее курсив автора. – Е.П., Н.Б.) культуры, другого народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т.п.) и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [5, с. 63]. Сказанное стало предметом рассмотрения лингвистической имагологии – дисциплины, активно развивающейся в наши дни. С точки зрения лингвистической имагологии можно исследовать как отдельные аллоэтнонимы, в том числе устаревшие (немцы, ляхи, арапы, сарацины и др.) [см.: 5; 12; 13 и др.], так и целые страны (Германия, Польша, Япония, Китай, Франция и др.) [см.: 6; 14 и др.]. Целью данной статьи является описание образа Китая в русской языковой картине мира через анализ репрезентантов концепта «Китай» – фразеологизмов, крылатых выражений (прецедентных феноменов), в состав которых входят лексемы «китайский», «Китай», «китаец»; данных ассоциативного эксперимента; художественных произведений, которые являются составляющими Китайского текста русской литературы. «Возникновение в русской литературе особого “китайского текста” вполне закономерно, поскольку русских людей всегда интересовала соседняя страна, создавшая древнюю богатую культуру» [7, с. 4].

Анализ

В языковой картине мира особую роль играют языковые единицы, обозначающие названия этносов, стран, и производные от них слова. В числе подобных имен собственных особый интерес представляет концепт «Китай». Это обусловлено во многом географической и исторической близостью России и Китая, а также взаимоотношениями этих стран. Кроме того, нельзя не отметить огромное влияние друг на друга двух великих культур: русской и китайской, что также не могло не являться важнейшим фактором восприятия концепта «Китай» носителями русского языка.

Чтобы проанализировать данную лексику, обратимся к употреблению репрезентантов концепта «Китай» и их производных в русской литературе. Китайская тема присутствует в творчестве таких авторов, как И. А. Гончаров, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, В. В. Маяковский, Б. А. Пильняк, А. Н. Вертинский и др.

Обратимся к анализу фрагментов некоторых произведений, чтобы проследить специфику восприятия концепта «Китай» представителями русской лингвокультуры. Как отмечает И. А. Мартынова в статье «Русский текст: концепт Китай», «отличительной особенностью функционирования концепта Китай в русской литературе середины XIX – XX вв. является его эксплицированная оценочность, то со знаком плюс, то со знаком минус, стремление осмыслить Китай как некое alter ego России» [8, с. 292]. Так, в отрывке из романа И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» присутствует следующее описание Китая: *Китай долго крепился, но и этот сундук, с старой рухлядью, вскрылся – крышка слетела с петель, подорванная порохом. Европейец роется в ветоши, достает, что придется ему впору, обновляет, хозяйничает... Пройдет еще немного времени и не останется ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Ключевыми понятиями для анализа восприятия концепта «Китай» в данном отрывке, являются следующие образы: старая рухлядь, ветошь, чудо, тайна, опасность, неудобство. Как видим, Китай воспринимается автором крайне противоречиво. С одной стороны, китайская культура сравнивается с чем-то чуждым европейской цивилизации (присутствует прямая оппозиция Европе, подчеркнутая лексемой «европеец»), устаревшим, но с другой стороны, Китай в данном отрывке предстает как страна экзотическая, полная чудес, тайн, загадок и, следовательно, некоторых опасностей и неудобств. Эти характеристики также по-своему подчеркивают оппозицию

китайской и европейской культур, поскольку Китай описывается как страна непонятная, с совершенно другим укладом жизни.

И. А. Гончаров в своем произведении также отмечает и ключевые качества китайцев как народа, а также специфику жизни населения данной страны: *Народонаселение лезет из Китая врозь, как горох из переполненного мешка, и распространяется во все стороны, на все окрестные и дальние острова <...> Китайцев много везде* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). В данном отрывке подчеркнута многочисленность населения Китая, что также является одной из важнейших характеристик данной страны в глазах представителей других культур и народов, в том числе русского.

Гончаров отмечает и такую, по его мнению, ключевую черту китайцев, как их педантичность, организованность быта: *Известно, что китайцы – ужасные педанты, не признают городом того, который не огорожен; оттого у них каждый город окружен стеной* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Подчеркивается и трудолюбие китайцев, их терпение, аккуратность при выполнении работы: *Китайцы, как известно, отличные резчики на дереве, камне, кости. Ни у кого другого, даже у немцев, не достанет терпения так мелко и чисто выработать вещь <...>* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Сравнение китайцев как работников с немцами, использование усилительной частицы «даже» в этом контексте служат для более конкретной и точной характеристики представителей данного народа: поскольку немецкая нация в русской культуре чаще всего воспринимается как невероятно трудолюбивая, собранная и организованная по отношению к работе, то терпение и трудолюбие китайцев в контексте данного отрывка из романа Гончарова предстает как поистине что-то невероятное и непостижимое для русского человека.

Терпение как отличительную черту китайцев отмечали многие русские: например, В. И. Даль в своем словаре в качестве примера употребления слова *терпенье* приводит пословицу «Китаец терпеньем берет» [3, с. 402].

И. А. Гончаров так характеризует китайцев как народ: *А нет, конечно, народа смирнее, покорнее и учтивее китайца <...> здесь я не видал насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца: на лицах видишь почтительное и робкое внимание; Китайцы – живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). В данном отрывке в качестве ключевых черт характера китайцев выделяются смирение, покорность и учтивость, а также деятельную натуру, что можно рассматривать как положительную оценку данного этноса.

Однако, несмотря на указанное выше восприятие китайцев представителями русской культуры, в тексте романа И. А. Гончарова все же присутствует оппозиция «они – мы». Подтверждение этому находим в следующих фрагментах произведения: *Их женщины – пока еще так себе, хозяйственная принадлежность: им далеко до львиц* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Однако данное противопоставление глубже и сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Автор не полностью противопоставляет китайцев русским, он скорее сопоставляет два этих народа, пытаясь найти и проанализировать их основные сходства и различия. Наиболее ярко это проявляется в следующем отрывке: *Здесь представилась мне полная картина китайского народонаселения, без всяких прикрас, в натуре. Знаете ли, чем был поражен мой первый взгляд? Какое было первое впечатление? Мне показалось, что я вдруг очутился на каком-нибудь нашем московском толкучем рынке, или на ярмарке губернского города, вдалеке от Петербурга <...> Разница в подробностях: у нас деготь и лыко – здесь шелк и чай; у нас груды деревянной и фаянсовой посуды – здесь фарфор. Но китайская простонародная кухня обилием блюд, ви-*

дом, воню и затейливостью перецеголяла **нашу** (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Значимость данного отрывка для нашего исследования состоит в том, что Гончаров одновременно и сравнивает, и противопоставляет китайскую и русскую культуры. Несомненно, в рассматриваемом фрагменте присутствует прямое противопоставление, выраженное лексемами, которые являются средствами выражения семантической категории чуждости: «у нас – здесь», «китайская (кухня) – наша», однако нельзя не отметить и прямое сравнение китайского рынка с русской ярмаркой или базаром. Говоря о деталях, о «подробностях» бытовой зарисовки китайской жизни, Гончаров сам подчеркивает их необычайную значимость для верного восприятия жизни другой культуры и другого народа. В целом можно сказать, что в проанализированных отрывках из романа «Фрегат “Паллада”» прослеживается скорее положительное восприятие концепта «Китай» и его репрезентантов представителями русской культуры.

В 20–40-е годы XX века образ Китая привлекал особое внимание представителей русской эмиграции, находящихся в этой стране. Наиболее яркое отражение эта тема получила в творчестве А. Н. Вертинского, который во многом является последователем восприятия Китая И. А. Гончаровым. В стихотворении «Китай» (1938) Вертинский подчеркивает и «мертвую» культуру Китая, говоря о ней как о культуре былых веков, и в этом сходство описываемого им Китая с характеристикой Гончарова («ветошь», «рухлядь»):

*Над Желтой рекою **незрячее** белое небо,
Дрожат паруса, точно крылья расстрелянных птиц.
И коршун летит и, наверное, думает: «Где бы
Укрыться от этого зноя, от этой тоски без границ?»*

*Да, этой тоски **неживого** **былого** Китая,
Тоски императоров, **мертвых** династий и сил,
Уснувших богов и безмолвья от края до края,
Где **дремлют** **века** у подножий **уснувших** **могил**.*

*А в больших городах, закаленные в мудром талмуде,
Терпеливо торгуют евреи, снуют англичане спеша,
Итальянцы и немцы и разные белые люди –
Покорители мира, купцы и ловцы барыша.*

*Но в расщелинах глаз, но в покорной улыбке Китая
Дремлют тихие змеи и молнии дальних зарниц,
И когда-нибудь грянет гроза, и застонет земля, сотрясая
Вековое безмолвье забытых ненужных гробниц.*

(Вертинский А. Н. «Китай»)

В тексте данного стихотворения сталкиваются противоречивые характеристики Китая. С одной стороны, для описания этой страны используются такие эпитеты, как «неживой», «былой», «мертвых», «уснувших», «забытых» и т.д., что позволяет говорить об определенном отношении лирического героя к культуре Китая: эта страна предстает перед читателями как будто бы застывшей, уснувшей страной прошлого, в которой скрыта таинственная мощь былых времен. Однако общий смысл стихотворения и последнее четверостишие позволяют увидеть в этих строчках и еще один смысл: при кажущейся статичности и безмолвии, в Китае дремлет великая сила, которая способна однажды напомнить о себе. Автор подчеркивает двойственность Китая: при

внешнем смирении и покорности, при наружном спокойствии, эта страна является тайной, до конца не разгаданной, средоточием огромной мощности и силы. В третьем катрене подчеркивается противопоставление китайской цивилизации европейской, что также оттеняет мотив загадочности и непредсказуемости, положенный в основу стихотворения.

Несколько по-другому представлен Китай в стихотворении Вертинского «Шанхай» (1939). Особого внимания заслуживает восьмое четверостишие:

*А усталые тросы надорванных мускулов
Всё влекут и влекут непомерную кладь...
И как будто всё это знакомое, русское,
Что забыто давно и вернулось опять.*

(Вертинский А. Н. «Шанхай»)

В третьей и четвертой строках данного катрена мы видим прямое сопоставление китайской и российской культур, которое на более глубинном уровне можно воспринимать как сходство общечеловеческого, присущего всем народам и странам. Описывая Китай, Вертинский словно бы воспринимает его специфику не саму по себе, а как одно из проявлений всеобщего, того, что сближает все цивилизации мира и, в частности, Китай и Россию. Таким образом, взгляд Вертинского на Китай, продолжая затронутые Гончаровым темы, несколько отличается от восприятия этой страны и ее жителей в рассмотренных выше отрывках из романа «Фрегат “Паллада”». В стихотворениях Вертинского противопоставление «мы – они» не столь явное и представлено под несколько иным ракурсом. Однако Вертинский, как и Гончаров, видит в Китае необычайную силу, тайну, граничащую с опасностью, загадку и величественную красоту.

Ключевыми для восприятия представителями русской лингвокультуры концепта «Китай» являются выступающие в качестве его репрезентантов фраземы «китайская стена», «китайские церемонии», «китайская грамота», «китайский болванчик», «китайская трава» и др.; прецедентные феномены, включающие в свой состав слова «Китай», «китаец».

Во все толковые словари современного русского языка и во многие фразеологические словари включен фразеологизм «китайская стена». Например, в «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (авторы А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова) значение и происхождение этой фраземы объясняется следующим образом: «**КИТАЙСКАЯ СТЕНА.** *Непреодолимая преграда; полная изолированность от кого-, чего-л.* Фразеологизм восходит к названию колоссальной каменной стены в северном Китае. Было время, когда, достигая десятиметровой высоты и семи метров толщины, она тянулась, защищая Китай от набегов кочевников, на шесть тысяч километров» [1, с. 549]. «Толковый словарь русского языка» в 4-х т. под редакцией Д. Н. Ушакова указывает на стилистическую окраску данной фраземы, что передается пометой *книжн.*, и на то, что она употребляется «в выражениях: отгородиться, отделиться китайской стеной, жить за китайской стеной и т.п. (книжн.) — о полном обособлении, изолированности от внешних влияний [по названию древней стены, отделяющей Китай от Монголии]» [21, стб. 1361]. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова данное устойчивое словосочетание имеет помету «экспрес.» (экспрессивное), что говорит о наличии во фразеологическом значении экспрессивной семы: «Экспрес. Непреодолимая преграда, изолирующая от кого-либо или чего-либо» [22, с. 657]. Главным в семантике рассматриваемой фраземы, согласно словарным данным, являются компо-

ненты значения 'отгороженность', 'обособление', 'изоляция'. Таким образом, китайская стена – это символ отделения от окружающего мира и его влияний, что позволяет рассматривать Китай как своего рода микромир, обособленный от внешних цивилизаций и имеющий свое, скрытое знание, свою культуру, промышленность и традиции.

Фразема «китайские церемонии» в словарях дается с пометами «шутл.» и/или «ирон.», что подчеркивает насмешливый, иронический оттенок ее использования в речи и соответствующее отношение русского народа к церемониям, проявление не любви к ним. Слово «церемония» в составе этого фразеологизма употребляется в переносном значении, которое в словарях толкуется следующим образом: «обычно мн. ч. Разг. Условности в поведении, обращении, свойственные церемонному человеку» [20, с. 644] Ср.: «**Китайские церемонии** (ирон.) – излишняя, жеманная вежливость» [21, стб. 1361]; «**КИТАЙСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ**. Шутл. ирон. Утомительные и ненужные условности; излишние проявления вежливости; бессмысленный этикет. Выражение собственно русское, употребляется со второй половины XIX в. При дворе китайских императоров соблюдались многочисленные правила этикета и церемониала, составлявшие целую науку» [1, с. 613]. Во всех этих случаях в семантике устойчивого словосочетания обращается внимание на компонент излишества, ненужности, подчеркнутой, порой неискренней формальной вежливости.

Еще одним фразеологизмом с прилагательным «китайский» является устойчивое словосочетание «китайская грамота»: «**Китайская грамота** – о чем-л. недоступном пониманию. За книгой с детства, кроме скуки, Он ничего не ощущал, Китайской грамотой – науки, Искусство – бреднями считал. Н. Некрасов, Притча о "Киселе"» [19, с. 52]; «**Китайская грамота** (разг.) – что-н. недоступное пониманию. Самые простые теоремы ему казались китайской грамотой» [21, стб. 1361]; «**Китайская грамота**. Разг. Что-либо трудное или недоступное для понимания. Я во всю жизнь мою никогда не писал рецензий, для меня это китайская грамота (Чехов. Письмо В. Ф. Комиссаржевской, 19 янв. 1899)» [22, с. 156]. В составе этого фразеологизма прилагательное «китайский» может заменяться прилагательным «тарабарский», о чем свидетельствуют данные «Большого универсального словаря русского языка» под ред. В.В. Морковкина: «**Китайская (тарабарская) грамота** разг. – о чем-л. совершенно непонятном или о незнакомом, неизученном деле» [11, с. 211]. Поскольку в этом словаре представлены наиболее употребительные слова, составляющие лексическое ядро русского языка, то включенные в него фразеологизмы «китайская (тарабарская) грамота» и «китайская стена» также входят в это ядро. Согласно данным проанализированных словарей, китайская грамота – это нечто непонятное, находящееся за пределами понимания. Наличие такой семантики у фраземы обусловлено тем, что китайский алфавит (китайские иероглифы) очень труден в изучении и непонятен носителям других языков.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова находим следующую словарную статью, посвященную фраземе «китайский болванчик»: «**Китайский болванчик** – 1) уродливая китайская статуэтка; 2) перен. самодовольный и ограниченный человек» [21, стб. 167]. И в прямом, и в переносном значении данное выражение имеет негативную окраску, что подчеркивается такими эпитетами, как «уродливая», «самодовольный» и «ограниченный». Переносное значение достигается путем метафорического переноса признаков с предмета (качающая головой, словно бы кивающая, статуэтка китайского бога) на человека: ограниченный человек, не имеющий своего собственного мнения и лишь соглашающийся с мнением окружающих, становится похож на китайского болванчика, кивающего головой.

В «Большом академическом словаре русского языка» (гл. ред. К. С. Горбачевич) значение этого устойчивого словосочетания толкуется как однозначное и не столь негативно: «Китайский болванчик. Традиционное фарфоровое изделие – сидящая

мужская фигурка с ритмично качающейся головой» [2, с. 83]. В этом словаре отмечается использование этого выражения в сравнении и приводится пример из произведения А. П. Чехова: *Приподняв колени почти до подбородка и схватив их руками, он качается, как китайский болванчик, и сердито глядит в задачник*. Чех. Накануне поста [2, с. 83].

В некоторых фразеологических словарях встречаем такую устаревшую фразу, как «китайская трава», имеющую значение «чай» [22, с. 688]. См. примеры ее употребления в литературе XIX в., которые приводятся во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова: *Что чай!.. — отозвался Бондырев. — Я, ваше высокоблагородие, этой китайской травы в рот не беру* (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы). [Русаков:] *Ну вот, сват, я к тебе пришёл, чем-то ты меня станешь потчевать*. [Маломальский:] *Китайских трав... первых сортов... веллим подать* (А. Островский. Не в свои сани не садись) [22, с. 688]. Данный фразеологизм подчеркивает тот исторический факт, что именно из Китая в европейскую культуру, в том числе русскую, пришел такой напиток, как чай. Не случайно слово «чай» является заимствованием из китайского языка.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в словарной статье «китайский», кроме фразеологизмов «китайская стена» и «китайские церемонии», приводятся еще два: «китайская тушь» («сорт черной туши для черчения и рисования») и «китайские тени» («развлечение, состоящее в исполнении сценок при помощи теней, отбрасываемых на транспаранте движущимися фигурками») [21, стб. 1361]. В «Большом академическом словаре русского языка» (гл. ред. К. С. Горбачевич) в словарной статье «китайский» представлен еще ряд устойчивых словосочетаний, среди которых есть такие, как «китайский фарфор» («высший сорт фарфора, изготавливаемого в Китае; изделия из такого фарфора»), «китайский фонарь (фонарик)» («фонарь (фонарик), каркас которого обтянут разноцветной полупрозрачной бумагой»), «китайский чай» («сорт чая, первоначально привозившегося из Китая») [2, с. 83]. Эти устойчивые сочетания свидетельствуют о китайском происхождении данных реалий (веществ, предметов, явлений).

В «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной встречаем следующую словарную статью: **«Китай поднимается. Влад. Неодобр.** Готовится что-то недоброе, приходит несчастье. СРНГ 13, 240» [9, с. 285]. В «Словаре русских народных говоров», на который ссылается этот словарь, есть диалектный фразеологизм «Китай подымается», употребляющийся в следующем значении: «Готовится что-то недоброе, приходит несчастье (говорится при известии о каком-либо большом бедствии)» [18, с. 240]. Это устойчивое выражение дается с пометой **Влад.** (владимирское), оно помещено в словарную статью слова «Китай», означающего «китаец» [18, с. 240].

Данное выражение, имеющее диалектное происхождение, иллюстрирует восприятие Китая и китайцев в русском народном сознании как чего-то недоброго, способного нанести вред, опасного.

Обратимся к анализу прецедентных феноменов русского языка, являющихся репрезентантами концепта «Китай».

В «Школьном словаре крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко приводятся два синонимичных пушкинизма, в состав которых входит лексема «Китай»: *От Перми до Тавриды, / От финских хладных скал / До пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая...* (Пушкин А.С. «Клеветникам России») [10, с. 452]; *От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая* (Там же) [10, с. 453].

Данные прецедентные высказывания употребляются в следующих значениях: «отовсюду, т.е. со всех концов России»; «езде, т.е. по всей России»; «об огромных

просторах России» [10, с. 452]. В данном контексте Китай воспринимается как одна из стран, соседствующих с Россией, в этих строках присутствует иносказательное упоминание Великой Китайской стены (*До стен недвижного Китая*), а эпитет «недвижного», на наш взгляд, позволяет рассматривать образ Китая в восприятии поэта как синоним чего-то статичного, незыблемого и могучего. Рассказывая в «Начале автобиографии» о своем знаменитом прадеде Ибрагиме Ганнибале, Пушкин упоминает и о том, что после смерти Петра Великого, попав в опалу, Ганнибал был «послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену» [15, с. 79].

В «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л. П. Дядечко приводится прецедентное высказывание *Русский с китайцем – братья навек*, восходящее к началу песни «Москва – Пекин» (слова М. Вершинина, музыка В. Мурадели, 1950) и употребляющееся как «символ дружбы СССР и Китая, теперь о дружбе русского и китайского народов (высок. → ирон.)» [4, с. 398]. При трансформации это выражение употребляется в значении «о единстве, крепкой неразрывной дружбе народов (компоненты – наименования национальностей – переменные)» [4, с. 399].

Обратимся к анализу данных «Русского ассоциативного словаря». Необходимо отметить, что на стимулы «Китай» и его производное «китаец» реакции в словаре не приводятся. На стимул «китайский» в словаре приводится 104 реакции, из них различных – 48, одиночных – 38 и один отказ. Ниже приведен перечень данных ассоциаций и, соответственно, их частота: язык (23), чай (11), фарфор (9), ресторан (8), пуховик (4), японский (4), змей (2), иероглиф (2), немецкий (2), бай (1), барахло (1), бокс (1), ваза (1), вождь (1), город (1), зонтик (1), иероглифы (1), император (1), квартал (1), китайская стена (1), ковер (1), корейский (1), костюм (1), лимонник (1), монах (1), музыкант (1), народ (1), нож (1), пагода (1), папа его (1), платок (1), плащ (1), порох (1), порт (1), посол (1), прищур (1), рис (1), салон (1), сервиз (1), стена (1), суп (1), товар (1), узор (1), чайник (1), чемодан (1), шелк (1), China Town (1) [16, с. 253]. Как видно из частоты возникающих ассоциаций, наиболее распространенными стали реакции «язык», «чай», «фарфор», поскольку эти лексемы напрямую связаны с восприятием китайской культуры и образа Китая носителями русского языка. Реакции «ресторан» и «пуховик», для которых характерна тоже достаточно высокая частотность («ресторан» – 8, «пуховик» – 4), вызваны появлением в России в конце 90-х гг. XX в. ресторанов с блюдами китайской кухни и большого количества товаров из Китая, в частности пуховиков.

Менее частотными оказались такие реакции, как «император», «китайская стена», «змей», «порох», «рис», «сервиз», несмотря на то, что данные слова обозначают понятия и явления, также напрямую связанные с исторической и культурной жизнью данной страны.

Как свидетельствует 2-й том «Русского ассоциативного словаря», реакции «китаец», «Китай», «китайская», «китайская грамота», «китайская стена», «китайские», «китайский», «китайский фарфор», «китайцы», «Китая» были получены на разные стимулы. Проанализируем некоторые из них. Так, реакция «китаец» была вызвана стимулами *желтый* (3), *Азия* (1), *восток* (1), *враждебный* (1), *гиря* (1), *еврей* (1), *индеец* (1), *карате* (1), *мудрый* (1), *негр* (1), *о жизни* (1) [17, с. 333]. Стимул «желтый» объясняется цветом кожи китайцев, т.е. типичной особенностью их внешности; «Азия», «восток» – расположением страны, где проживают китайцы; «еврей», «индеец», «негр» – это названия представителей других национальностей и рас. Японизм «*карате*» свидетельствует о том, что китайцы воспринимаются нашими современниками в связи с боевыми искусствами (Китай, так же как и Япония, является родиной многих боевых искусств). Интересны оценочные прилагательные «*враждебный*» и «*мудрый*», которые демонстрируют различное, даже прямо противоположное, восприятие китайцев носителями русского языка.

Реакция «Китай» связана со стимулами *восток* (7), *дракон* (3), *женьшень* (3), *Азия* (2), *шелк* (2), *Япония* (2), *борец* (1), *государство* (1), *Евразия* (1), *желтый* (1), *капуста* (1), *коммунизм* (1), *манускрипт* (1), *мудрец* (1), *о чае* (1), *скулы* (1), *странами* (1), *шелковый* (1) [17, с. 333]. Как и в предыдущем случае, многие стимулы («восток», «Азия», «Евразия») объясняются местом расположения Китая, типичными особенностями внешности китайцев («скулы»). Среди стимулов представлены символы Китая, являющиеся олицетворением этой страны в сознании большинства носителей русского языка («дракон», «женьшень», «шелк», «о чае»); стимулы «манускрипт», «мудрец» свидетельствуют о древней культуре этой страны; стимул «борец» – о развитии в ней боевых искусств; стимул «коммунизм» – об идеологии, господствующей в Китае.

Одной из самых известных личностей в истории Китая является философ Конфуций. Его имя стало реакцией на стимулы *мудрец* и *философ* [17, с. 350].

Для того, чтобы проанализировать специфику восприятия концепта «Китай» в сознании современных носителей языка, был проведен опрос, участникам которого необходимо было написать по 5 реакций на стимулы «Китай», «китаец», «китайский». В опросе принимали участие 30 студентов кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского. По результатам опроса были выявлены следующие ассоциации.

Китай: дракон (6), чай (5), рис (5), красный (4), Пекин (4), Великая Китайская стена (3), красный (3), коронавирус (3), сакура (3), алиэкспресс (2), вещи (2), Восток (2), иероглиф (2), лапша (2), стена (2), страна (2), Азия, аниме, бамбук, большой, Будда, буддизм, бумага, Великая стена, великий, город, густонаселенный, далеко, дворцы, дешевизна, дешево, Древний, дунхуа, журавли, Запретный город, зонтик, игрушки, Инь-янь, история, катана, кимоно, красивая природа, культура, культурная революция, лампочки, манду, маньхуа, Мао Цзэдун, миллиард, много людей, много, многочисленный, мудрый, народный, население, одежда, огромный, пагода, палочки, панда, Пекинская утка, плантации, порох, природа, продукция, промышленность, развитие, сервис, соседний, спокойствие, старый, стиль, суши, тату, Тайшань, Тибет, товар, узкие глаза, фарфор, ханьфу, Хуанхэ, шумный, шелк, Япония (1).

Все полученные реакции на стимул «Китай» можно разделить на несколько тематических групп:

1) Культурные символы, значимые культурные реалии.

В эту группу входят такие слова и словосочетания, как *Великая Китайская стена, дворцы, дракон, Запретный город, иероглиф, инь-янь, катан», кимоно, пагода, ханьфу* и др.;

2) Открытия, связанные с историей данной страны: *бумага, палочки, порох, промышленность, фарфор, шелк, зонтик*;

3) Наименование блюд и напитков: *рис, суши, чай, Пекинская утка, лапша*;

4) Ассоциации, связанные с природой Китая: *бамбук, журавли, красивая природа*;

5) Китайские топонимы: *Пекин, Тайшань, Тибет, Хуанхэ*;

6) Оценочные реакции: *великий, густонаселенный, мудрый, народный, соседний, спокойствие, шумный*;

7) Ассоциации, связанные с многочисленностью населения Китая: *большой, густонаселенный, миллиард, много людей, много, многочисленный, огромный*;

8) Лексемы, отражающие восприятие Китая населением других стран и свидетельствующие о его роли в культуре и сфере промышленности многих европейских стран: *алиэкспресс, аниме, вещи, дешевизна, дешево, дунхуа, игрушки, коронавирус, лампочки, лапша, манду, маньхуа, Пекинская утка, продукция, промышленность, развитие, сервис, суши, тату*;

9) Ассоциации, связанные с географией Китая, а также с восприятием его расположения относительно других стран: *Азия, Восток, Япония, соседний, далеко;*

10) *Цветовые ассоциации: красный;*

11) Имена исторических деятелей: *Мао Цзэдун;*

12) Лексемы, связанные с распространенной в Китае религией: *Будда, буддизм.*

Проанализировав ассоциации на стимул «Китай», можно прийти к выводу о том, что наиболее многочисленную группу ассоциаций составляют те, которые относятся к влиянию китайской культуры на мировую индустрию, что связано с реалиями современной жизни, с процессом глобализации и т.д. Кроме того, объективация концепта «Китай» в сознании носителей русского языка проходит и с учетом значимых культурных реалий этой страны, что приводит к мысли о том, что в этом восприятии большую роль играет и культурологическая, историческая составляющая образа Китая.

Проанализируем объективацию лексемы «китаец».

Китаец: Джеки Чан (5), Конфуций (4), узкие глаза (4), азиат (3), маленький рост (2), суши (2), трудолюбие (2), трудолюбивый (2), узкоглазый (2), азиатская внешность, аниме, белоснежная кожа, быстро, быстрота, веер, вещи, воспитанный, глаза, громкий, дисциплинированный, добрый, загар, изящество, император, инь-янь, кареглазый, кимоно, коренастый, коричневый, коронавирус, костюм, красивая внешность, культ белой кожи, культура, кунг-фу, Лао-Цзы, лапша, лотос, маленький, манга, Мао Цзэдун, много работы, много, молодец, молчаливый, мудрый, нация, невысокий, невысокого роста, низкий рост, низкий, ниндзя, Пекин, писк, прагматичный, пуэр, работоспособность, размеренность, раса, рис, самурай, сдержанный, смуглая кожа, стереотип, стиль, стильный, страна, странный, торговец, торговля, традиции, традиционность, узкие, улыбающийся, умный, ухоженный, чайная культура/церемония, чужой, черные волосы (1).

Все полученные реакции на стимул «китаец» можно разделить на следующие тематические группы:

1) Значимые культурные и исторические персоналии: *Джеки Чан, Конфуций, Лао-цзы, Мао Цзэдун;*

2) Особенности внешнего облика: *азиатская внешность, белоснежная кожа, глаза, загар, изящество, кареглазый, коренастый, коричневый, красивая внешность, культ белой кожи, маленький, маленький рост, невысокий, невысокого роста, низкий рост, низкий, смуглая кожа, узкие глаза, узкоглазый, ухоженный, чёрные волосы;*

3) Ключевые качества характера и специфика поведения: *трудолюбие, трудолюбивый, быстро, быстрота, воспитанный, громкий, дисциплинированный, добрый, много работы, молодец, молчаливый, мудрый, прагматичный, работоспособность, размеренность, сдержанный, стереотип, стильный, торговец, торговля, традиции, традиционность, улыбающийся, умный;*

4) Лексемы, связанные с китайской культурой: *аниме, веер, император, инь-янь, кимоно, костюм, кунг-фу, манга, ниндзя, самурай, чайная культура/церемония;*

5) Лексемы, обозначающие восприятие китайцев как расы: *азиат, нация, раса, страна;*

6) Лексемы «чужой» и «странный», подчеркивающие восприятие носителями русского языка китайцев как чуждого, отчасти непонятного народа;

7) Лексемы, связанные с китайской индустрией и пищевыми предпочтениями: *вещи, пуэр, лапша, рис, чайная культура/церемония;*

8) Топонимы: *Пекин;*

9) Ассоциации, связанные с природой Китая: *лотос.*

Проанализировав тематические группы реакций на стимул «китаец», можно сказать, что наиболее многочисленными группами ассоциаций являются те, которые связаны с особенностями внешнего облика, с ключевыми качествами характера и особенностями поведения китайцев. Суммируя все приведенные в этих группах лексемы, можно воссоздать образ китайца в сознании представителей русской культуры: это человек азиатской внешности, небольшого роста, узкоглазый, с черными волосами, который выглядит аккуратно, изящно, ухоженно. Для китайцев характерны такие черты характера, как трудолюбие, невероятно высокая работоспособность, дисциплинированность, сдержанность, прагматичность, молчаливость и мудрость. Кроме того, так же, как и для реакций на стимул «Китай», значимыми являются те реакции, которые отражают особенности китайской культуры и промышленности Китая, пищевые предпочтения и т.д. Реакция «самурай» на стимул «китаец» возникла потому, что в сознании носителей русского языка между Китаем и Японией много общего и различия между этими странами не всегда четко осознаются.

На стимул «китайский» были выявлены следующие ассоциации.

Китайский: язык (12), дешевый (4), рынок (4), стена (4), дракон (3), кухня (3), народ (3), чай (3), иероглифы (2), качество (2), культура (2), одежда (2), сложный (2), суп (2), товар (2), фарфор (2), флаг (2), алфавит, бамбук, грамота, дворец, древний, желтый, рынок, календарь, квартал красных фонарей, квартал, кимоно, китайская стена, китайский Новый год, китайские иероглифы, китайские фейерверки, китайский дракон, коронавирус, кошки, красивый, легенды, магазин, международные отношения, миллиард, недорого, некачественный, ненадежный, новшество, Новый год, палочки, пиалы (под чай), плантация, подделка, полотенца, продукты, с запахом пластмассы, сложный язык, смешной, техника, тонкий фарфор, традиция, трудолюбие, фонарик, цивилизация, чайник, шелк (1).

Тематические группы ассоциаций представлены ниже.

1) Лексемы, для которых прилагательное «китайский» является определением: самая многочисленная ассоциация – *язык*; далее идут – *рынок, стена, дракон, кухня, народ, чай, иероглифы, качество, культура, одежда, суп, товар, фарфор, коронавирус, легенды, продукты, чайник, шелк* и др.;

2) Контекстные синонимы к прилагательному «китайский»: *дешевый, сложный, древний, желтый, красивый, недорого, некачественный, ненадежный, подделка, смешной*.

Наиболее многочисленной оказалась первая группа ассоциаций, что обусловлено тем, что прилагательное «китайский» в прямом значении относится к разряду относительных и употребляется с достаточно широким спектром слов, в том числе образуя с ними устойчивые словосочетания (*китайская стена, китайский чай, китайский фарфор*). Вторая группа реакций на стимул «китайский» представляет собой синонимы к данному прилагательному, служащие для появления переносного значения этого слова в разговорной речи и в сознании носителей русского языка. И связаны они, в первую очередь, с плохим качеством и низкой ценой некоторой продукции, производимой в Китае. Ассоциация «сложный» связана, скорее всего, с восприятием китайского языка, который является одним из самых сложных для изучения и понимания языков, ассоциация «желтый» обусловлена особенностями внешнего вида расы, к которой принадлежит китайский народ, «древний» – древностью китайской цивилизации, реакция «красивый» вызвана красотой природы и культуры этой страны.

Заключение

Таким образом, в данной работе был проанализирован концепт «Китай» и его репрезентанты. На основе анализа литературных произведений, в которых была затронута китайская тема (романа И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» и стихотворений

А. Н. Вертинского «Китай» и «Шанхай»)), были выявлены такие ключевые черты рассматриваемого образа, как древность, загадочность, таинственность, непонятность для представителей русской культуры, даже некоторая чуждость, сопровождающаяся в то же время благоговейным отношением к китайской культуре и истории. Посредством анализа фразем «китайская стена», «китайские церемонии», «китайская грамота», «китайский болванчик» и т.д. в статье были рассмотрены, соответственно, следующие характеристики образа Китая, отраженного в восприятии носителей русского языка: изолированность от внешнего мира; излишняя, жеманная вежливость; нечто недоступное пониманию (как, например, китайский язык и китайская культура в целом) и т.д.

Ассоциации, связанные со словами «Китай», «китаец», «китайский», включают в себя различные тематические группы лексем, такие как: значимые культурные и исторические реалии, экспрессивные и оценочные реакции, наименования пищи, известные личности, лексем, отражающие восприятие Китая населением других стран и свидетельствующие о его роли в культуре и в сфере промышленности многих европейских стран; ассоциации, связанные с природой и географией Китая, с внешним обликом его жителей, а также с ключевыми качествами их характера, такими, как трудолюбие, терпение, дисциплинированность, молчаливость, мудрость и т.д. Данные тематические группы ассоциаций были выявлены в результате лингвистического эксперимента и отражают непосредственную объективацию концепта «Китай» в сознании современных носителей языка. Это позволяет сделать вывод о том, что восприятие лексем-репрезентантов современными представителями русской культуры несколько противоречиво (с одной стороны, отмечается трудолюбие, дисциплинированность китайцев, с другой – некачественная продукция, подделка и т.д.), однако в целом образ Китая, его культура и население имеют в сознании русских людей положительную оценку: Китай – страна с древней культурой и историей, с вековыми традициями и развитыми технологиями, оказавшая огромное влияние на мировую промышленность. Анализ восприятия образа Китая в сознании современных носителей русского языка, следовательно, не только открывает широкие перспективы в области лингвистики, прежде всего в лингвокультурологии и лингвоимагологии, но и позволяет, посредством сравнения с иностранной, китайской культурой, лучше понять свою собственную, русскую, и составить целостное представление о Китае как об особенной, таинственной и древней цивилизации, играющей важнейшую роль в мировой истории.

Список источников и литературы

1. *Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии : Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
2. *Большой академический словарь русского языка.* Т. 8: Каюта - Кюрины / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб.: Наука, 2007. 839 с.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 683 с.
4. *Дядечко Л. П.* Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М.: Словари XXI века, 2019. 624 с.
5. *Зеленин А. В.* Немцы в русской культуре: (Лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 63–71.
6. *Казанцева В. А.* Образ Японии в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казанцева Вероника Алексеевна. Елец, 2021. 160 с.
7. *Красноярова А. А.* «Китайский текст» русской литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Красноярова Анна Александровна. Пермь, 2019. 296 с.

8. Мартыанова И. А. Русский текст: концепт Китай // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : сборник статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1998. С. 290–300.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
10. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Нева, 2005. 800 с.
11. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века : АСТ ПРЕСС-ШКОЛА, 2016. 1456 с.
12. Попова Е. А., Аль-Хамдани С. М. Н. Аллоэтнонимы в русской языковой картине мира // Ментальные аспекты русской филологии : монография. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С. 35–79.
13. Попова Е. А., Аль-Хамдани С. «Чужой – свой»: этноним русского языкового сознания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 44–46.
14. Попова Е. А., Казанцева В. А. Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 42–45.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 596 с.
16. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель : АСТ, 2002. 784 с.
17. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2: От реакции к стимулу : более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель : АСТ, 2002. 992 с.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 13 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1977. 358 с.
19. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
20. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 800 с.
21. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 824 с.
22. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологич. единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

References

1. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2001, *Slovar russkoy frazeologii : Istoriko-etimologicheskii spravochnik* (Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book), Folio-Press publ., St. Petersburg. (In Russ.)
2. Gorbachevich, KS 2007, *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book), vol. 8, Kayuta – Kyuriny, Nauka publ., Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Dahl, V 1991, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, v 4 tomakh, tom 4* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 volumes, vol. 4), Russkiy yazyk publ., Moscow. (In Russ.)
4. Dyadchko, LP 2019, *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashego vremeni* (Dictionary of aphorisms and set expressions of our time), Sloviri 21 veka publ., Moscow. (In Russ.)
5. Zelenin, AV 2013, 'Nemtsy v russkoi kul'ture (Lingvisticheskaya imagologiya)', *Russkii yazyk v shkole*, no. 4, pp. 63–71. (In Russ.)
6. Kazantseva, VA 2021, *Obraz Yaponii v russkoy yazykovoy kartine mira*, abstract, PhD thiesis, Bunin Yelets State University, Yelets. (In Russ.)
7. Krasnoyarova, AA 2019, «Kitayskiy tekst» russkoy literatury, PhD thesis, Perm State University, Perm. (In Russ.)

8. Mart'yanova, IA 1998, 'Russkiy tekst: kontsept Kitay' (Russian text: concept China) in *Russistika: lingvisticheskaya paradigma kontsa XX veka : sbornik statey v chest' prof. S. G. Il'yenko*, pp. 290–300. (In Russ.)
9. Mokienko, VM, & Nikitina, TG 2007, *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* (Big dictionary of Russian sayings), Olma Media Grupp publ., Moscow. (In Russ.)
10. Mokienko, VM 2005, Sidorenko K.P. *Shkol'nyy slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* (Pushkin's School Dictionary of Popular Expressions), Neva publ., St. Petersburg. (In Russ.)
11. Morkovkin, VV, Bogacheva, GF & Lutsкая, NM 2016, *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* (Big universal dictionary of the Russian language), Slovare XXI veka publ.; AST PRESS-SHKOLA publ., Moscow. (In Russ.)
12. Popova, EA & Al'-Khamdani, SMN 2017 'Alloethnonimy v russkoi yazykovoi kartine mira' (Alloethnonyms in the Russian language picture of the world), *Mental'nyye aspekty russkoy filologii* (Mental Aspects of Russian Philology), Lipetsk, pp. 35-79. (In Russ.)
13. Popova, EA & Al'-Khamdani, S ' 2018, '«Chuzhoy – svoyn»: etnonim russkogo yazykovogo soznaniya' ("Alien - own": the ethnonym of the Russian language consciousness), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* (Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism), no 1, pp. 44–46. (In Russ.)
14. Popova, EA & Kazantseva, VA 2020, 'Rol' stereotipov v formirovaniy obraza Yaponii v russkoi yazykovoi kartine mira' (Rol' stereotipov v formirovaniy obraza Yaponii v russkoy yazykovoy kartine mira), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* (Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism), no 2, pp. 42–45. (In Russ.)
15. Pushkin, AS 1958, *Polnoye sobraniye sochineniy, v 10 tomakh, tom 8'* (Complete Works. In 10 volumes. Volume 8), Izdatel'stvo AN SSSR publ., Moscow. (In Russ.)
16. Karaulov, YuN, Cherkasova, GA, Ufimtseva, NV et al. (eds) 2002, *Russkii assotsiativnyi slovar', v 2 tomakh* (Russian associative dictionary in 2 vols.), vol. 1, *Ot stimula k reaktsii : okolo 7000 stimulov* (From stimulus to response: about 7000 stimuli), Astrel publ., AST publ., Moscow. (In Russ.)
17. Karaulov, YuN, Cherkasova, GA, Ufimtseva, NV et al. (eds) 2002, *Russkii assotsiativnyi slovar', v 2 tomakh*, vol. 2, *Ot reaktsii k stimulu: Bolee 100 000 reaktsii* (From response to stimulus: over 100,000 responses), Astrel' publ., AST publ., Moscow. (In Russ.)
18. Filin, FP 1977, *Slovar' russkikh narodnykh govorov, vypusk 13* (Dictionary of Russian folk dialects, no 13), Nauka publ., Leningrad. (In Russ.)
19. Yevgen'yeva, AP 1999, *Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes.), vol. 2, *Russkiy yazyk publ., Poligrafresursy publ., Moscow.* (In Russ.)
20. Yevgen'yeva, AP 1999, *Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes.), vol. 4, *Russkiy yazyk publ., Poligrafresursy publ., Moscow.* (In Russ.)
21. Ushakov, DN 1996, *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Explanatory dictionary of the Russian language), vol. 1 TERRA publ., Moscow. (In Russ.)
22. Fedorov, AI 2008, *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13 000 frazeologicheskikh yedinit* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), Astrel' publ, AST publ., Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Попова Е. А. – идея; сбор материала; обработка материала; написание статьи; научное редактирование текста.

Богословская Н. А. – сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Contribution of the authors:

Popova E. A. – idea; material collection; material processing; article writing; scientific text editing.

Bogoslovskaya N. A. – collecting material; processing material; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2022

Одобрена после рецензирования: 02.03.2022

Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 16.02.2022

Approved after reviewing: 02.03.2022

Accepted for publication: 25.03.2022